

ТАТЬЯНА
БЭК

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Мой
**ПОРОЧНЫЙ
ДЕКАН**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Бэк

Мой порочный декан

<https://litres.ru/74070146>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Кстати, ты как предпочитаешь: сверху или снизу? — бархатный баритон ласкает и одурманивает.

Даже не сразу понимаю суть вопроса, а когда осознаю — вспыхиваю так, что щекам становится горячо, а мочки ушей пылают.

— Что вы себе позволяете, Игорь Андреевич? — выдавливаю, задыхаясь от смеси недоумения, страха и какого-то острого сладостного возбуждения.

Мужчина смотрит на меня удивлённо, а затем ухмыляется.

— Я про полку, а ты что подумала, Смирнова!

Боже, сейчас мне хочется оказаться на другом краю света или провалиться под землю и там уже завывать от стыда.

Он потрясающий притягательный мужчина, о котором мечтает каждая, а я лишь серая мышка и зажатая отличница. А ещё он — мой декан, и, значит, между нами точно ничего не может быть. Но одна ночь меняет всё!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Бэк

Мой порочный декан

Глава 1

— Смирнова, опять курила в женском туалете? — раздаётся позади меня неприятный скрипучий голос, похожий на звук несмазанной калитки.

Медленно разворачиваюсь и мысленно в сотый раз корю себя за то, что во время лекции поправила преподавательницу латыни, сделавшую ошибку в произношении. Так я нажила себе кровного врага в лице Аглаи Петровны, стареющей сушёной воблы, решившей сжить меня со свету.

Обвинять меня в курении — это совсем уж нелепо, ведь представить меня с сигаретой может лишь только человек с больной и извращённой фантазией.

— Аглая Петровна, здравствуйте! — произношу максимально приветливо, улыбаясь так, что челюсти сводит. — Я не курю и даже ни разу не пробовала!

Вобла поджигает и без того тонкие густо накрашенные губы и окидывает меня таким взглядом, что Медузе Горгоне можно поучиться.

— Может, хочешь сказать, что это я курила? — переходит она в наступление.

Теряюсь и даже не знаю, что можно ответить на столь не контрпродуктивный аргумент.

— Аглая Петровна, думаю, студентка Смирнова точно не имеет отношения к запаху сигарет в туалете. Возможно, дело в сломанной вытяжке! Я дам указание разобраться! — звучит низкий бархатный голос, который может принадлежать лишь ангелу или... моему декану. — Тем более, Светлана — девушка высоконравственная, да ещё и наша лучшая студентка.

Тяжёлая горячая ладонь мужчины ложится на моё плечо, а у меня ноги едва не подкашиваются. Даже не знаю, как мне удаётся устоять и не рухнуть к зеркально начищенным стильным ботинкам декана. То место, к которому он притрагивается, вдруг вспыхивает словно от ожога, а приятное волнующее тепло расходится по всему телу, концентрируясь где-то ниже пупка.

Даже боюсь взглянуть на Игоря Андреевича, поэтому лишь кошусь украдкой краем глаза. В область видимости попадает его мужественный подбородок с идеальной седой бородой, красиво очерченные губы, изогнутые сейчас в лёгкой усмешке. Интересно, какие они во время поцелуя: нежные и мягкие, или властные и жадные. Что-то мне подсказывает, — последний вариант больше соответствует реальности, ведь этот мужчина — настоящий хищник, от него даже пахнет опасностью и умением подчинять. Такие берут всё, что захотят, по праву сильнейшего.

— ... и зайдите ко мне после пар, чтобы обсудить это! — долетает до меня голос декана словно сквозь слой ваты, выдёргивая из развратных мечтаний о страстном настойчивом поцелуе с этим невозможным, невероятным мужчиной, на которого пускают слюни все женщины института, — от старенькой уборщицы до Мисс университет Алины, моей одногруппницы, давно пытающейся соблазнить красавца.

Мне стыдно сказать, что я прослушала речь Игоря Андреевича, поэтому переминаюсь с ноги на ногу и киваю покорно. От этого лёгкого движения кисть мужчины соскальзывает с моего плеча и подушечки пальцев, едва касаясь, пробегают по шее. Всего лишь невесомое прикосновение, но вдоль позвоночника словно разряд тока пробежался, а между ног стало нестерпимо жарко и влажно. Что со мной такое? Неужели я настолько распушенная?

— Тогда жду вас после пар! — резюмирует декан и решительно продолжает свой путь по коридору.

Наконец, могу поднять взгляд, которым тут же жадно пожираю его широкие плечи, руки с буграми мышц, перекачивающихся под белоснежной рубашкой, гордую посадку головы и... шикарный зад. Последний меня вовсе вгоняет в краску, ведь я точно не из тех, кто пялится на мужские попы.

— Что раскраснелась, Смирнова? — шипит Аглая Петровна, про которую уже и забыла. — На нашего Игоря Андреевича загляделась? Ты и не мечтай даже, такому мужику не сопливая студентка, похожая на мышь, нужна, а настоя-

шая роскошная женщина.

В её словах столько яда и желчи, что мне становится дурно, во рту появляется горький приступ, а сердце вот-вот выскочит. Да, эта старая гримза права, — зачем этому альфа-самцу такая девочка-невидимка, на которую даже никто внимания не обращает. Если бы не победы на городских и областных олимпиадах, никто бы, наверное, и имени моего не знал.

Хочется разреветься горько и надсадно, ведь слова преподавательницы меня ранили, попали в самую болезненную и уязвимую точку. Наверное, так бы и сделала, но то место, где меня декан, ещё хранит тепло его надёжной тяжёлой руки.

— Ну раз ему нужна роскошная женщина, то вы тоже не подходите на роль его спутницы! — отвечаю холодно и внешне спокойно, хотя внутри всё замирает от страха и удивления своему поведению.

Аглая отшатывается, округлив глаза, хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— И запомните, я не курю! — ставлю жирную точку в беседе и отправляюсь прочь, стараясь подражать уверенной походке декана, только вот ноги дрожат от волнения, ведь впервые я дала кому-то отпор.

Глава 2

Впервые на лекциях я не слушала, а летала в облаках, ожидая с нетерпением и одновременно страшась того момента, когда придётся идти к декану. И вот стою в дверях его кабинета. Сердце бьётся, как птица в клетке — слишком громко, слишком быстро.

Игорь Андреевич сидит за столом, листает бумаги. Ни одного взгляда в мою сторону, как будто я — просто тень, звук на фоне, серая деталь интерьера.

Он красивый. Не просто красивый — гипнотически: сильный подбородок, резкие черты, взгляд, способный прожечь насквозь. Все девчонки института мечтают о нём. Я знаю это, потому что они шепчутся о нашем декане в курилке, в туалетах, в лифте, — словно других тем для разговоров не существует. Причём не стесняются в выражениях, обрисовывая всё, что бы сделали для такого любовника в постели.

Но Игорь Андреевич не замечает меня. Никогда.

— Светлана... — наконец он поднимает глаза. Говорит холодно, нейтрально. — Вы по поводу поездки?

О какой поездке идёт речь? Тогда я прослушала, что говорил декан, а теперь уже неудобно переспрашивать, — не хочется выставить себя полной дурой в его глазах. Я лишь сдержанно киваю. Мне жарко в этом душном кабинете, но я не могу отвести взгляд от его рук, как он держит ручку, как

пролистывает страницы. Всё в нём — воплощение контроля и власти.

Мысленно представляю, как его ладонь очерчивает мою талию, скользит выше, обхватывая грудь и сжимая. Ох, да я от одной мысли об этом готова застонать, поэтому прикусываю губу и старательно вспоминаю таблицу умножения, чтобы отвлечься.

— Вы хорошо выступили на олимпиаде, — говорит он, вновь возвращаясь к бумагам. — Это честь для института. Так что эта поездка в Питер заслуженная. Я распорядился, чтобы нам купили билеты. Время отправление поезда и номер вагона узнайте у моего секретаря. Кстати, у вас есть что-то более... нарядное?

Последнюю фразу мужчина произносит, холодно скользнув взглядом по моей фигуре и морщась, будто съел лимон. Его холодные льдистые глаза цвета Северного Ледовитого океана словно пытается проникнуть под мою мешковатую одежду, и от этого и впрямь вдруг ощущаю себя обнажённой.

Сжимаю папку с тетрадями в руках, используя её словно щит, чувствуя, как потные ладошки оставляют на ней следы. Поездка в Питер? Вместе с Игорем Андреевичем? Кажется, что я сплю, ведь это не может быть реальностью!

Мне хочется что-то сказать — неофициальное, живое, дерзкое. Но я не смею, слова просто заledenели, превратились в царапающие острые сосульки. Я лишь отличница, тень, дисциплинированная, удобная. Но внутри у меня сей-

час настоящая буря, шторм на все девять баллов, смерчи и торнадо.

Я безумно хочу, чтобы декан меня наконец-то заметил, чтобы его голос стал тёплым, чтобы он посмотрел так, как мужчина смотрит на женщину, а не как преподаватель на неприметную студентку. Но одновременно с этим желанием приходит и злость на себя за подобные мысли. Они неправильные: ведь слишком хорошо знаю, кто он и кто я.

— Благодарю, Игорь Андреевич, — выдавливаю я наконец.

Он кивает, и делает властный жест, обозначая, что аудиенция окончена, тут же возвращаясь к своим бумагам. Я выхожу еле живая — на ватных ногах, с дрожью в животе. Только бы не наделать глупостей! Хотя разве такие правильные девочки, как я, способны на глупости?

Глава 3

Поезд уходит рано утром. Я стою на перроне с чемоданом, в своём привычном сером пальто и прямых брюках — строгая, правильная. Всё во мне идеально, — тётушка заявляет, что место в палате мер и весов, где меня бы выставляли как эталон аккуратности. Только вот сейчас внутри меня хаос.

Зябко ёжусь на утреннем ветру и с каждой минутой нервничаю всё сильнее. Игорь Андреевич подходит последним, когда поезд уже должен вот-вот отбыть. Он такой высокий, уверенный, стремительный, что недовольная проводница тут же расплывается в мечтательно-сладкой улыбке. Тёмное пальто подчёркивает широкие плечи декана. Но при всей своей чертовской привлекательности, кажется холодным, как утренний воздух.

Он бросает на меня быстрый взгляд, и я снова ощущаю себя невидимой. А вот проводница с аппетитными формами получает от него скупую улыбку и сразу начинает взирать с видом влюблённой мартовской кошки. Ощущение такое, что готова отдаться Игорю Андреевичу прямо на перроне.

Станный укол ревности попадает точно в сердце, и я тут же начинаю на себя злиться за то, что фантазировала всю ночь, так и не сомкнув глаз, как изменится наше общение с деканом во время пути. Глупая, наивная, Света... Некстати вспоминаются слова змеи Аглаи о том, что я даже не должна

мечтать о таком мужчине, как наш декан.

Даю себе торжественное обещание, что буду вежливо-отстранённой и не буду вестись на самцовую привлекательность и сексуальность мужчины, к которому тянет будто магнитом. Но действие моей клятвы заканчивается, едва оказываемся в купе.

Когда мы остаёмся наедине, воздух густеет, а пространство между нами кажется слишком тесным.

— А где другие пассажиры? — пишу, стараясь оказаться как можно дальше от декана, который в этом крохотном пространстве кажется просто огромным.

— Мы едем вдвоём! — режет он коротко, небрежно пристраивая дорожное пальто на крючок. — Не люблю чужих людей.

Боже, мы что останемся наедине? Вот прям вдвоём... ночью... в закрытом пространстве? Мысли путаются, сталкиваются, разбегаются в разные стороны, а по телу то разливается жар, то пробегает озноб. Мы ведь будем друг от друга на расстоянии вытянутой руки, — а если Игорь Андреевич захочет чего-то? А если я захочу?

— Кстати, ты как предпочитаешь: сверху или снизу? — бархатный баритон ласкает и одурманивает.

Даже не сразу понимаю суть вопроса, а когда осознаю — вспыхиваю так, что щекам становится горячо, а мочки ушей пылают.

— Что вы себе позволяете? — выдавливаю, задыхаясь от

смеси недоумения, страха и какого-то острого сладостного возбуждения.

Мужчина смотрит на меня удивлённо, а затем ухмыляется.

— Я про полку, а ты что подумала, Смирнова!

Боже, сейчас мне хочется оказаться на другом краю света и там уже завывать от стыда.

— На нижней удобнее... — бурчу, старательно отводя взгляд и ругая себя, на чём свет стоит.

Декан тоже устраивается на нижней полке, достаёт ноутбук, а я раскрываю книгу, лишь бы прикрыться хоть чем-то наподобие щита. Но ни Игорь Андреевич, ни я не читаем. Я чувствую на себе его взгляд — короткий, резкий, как лезвие. Он скользит по моему профилю, останавливается на шее, на губах, на груди. Соски предательски напрягаются, — хорошо, что надела плотный лифчик — сердце начинает биться сильнее.

Почему-то мне хочется, чтобы этот властный мощный самец отбросил в сторону свой ноутбук, шагнул ко мне, стянул с меня дурацкую блузку одним движением и впился губами в затвердевший холмик соска, ласкал его языком. Наверное, так приятно в этот момент запустить руку в его густые волосы и прогнуться навстречу жарким безумным ласкам.

— Вы всегда такая тихая? — вдруг спрашивает он.

Я поднимаю глаза. Мужчина не улыбается, но в его голосе есть что-то, чего не могу расшифровать — интерес, насмеш-

ка?

— Я не вижу смысла говорить, если меня всё равно не слушают, — отвечаю, сама не узнаю свой голос. Он звучит... дерзко?

Декан чуть приподнимает бровь.

— А вы не так просты, как кажется на первый взгляд, Светлана.

Меня бросает в жар. Он произносит моё имя иначе. Медленно, вкусно. Почти... интимно.

Неловко отворачиваюсь к окну, но внутри всё трепещет. Я чувствую, что между нами что-то начало меняться. Как будто кто-то перерезал невидимую ленту, и теперь сам воздух наполнен чем-то опасным, запретным и желанным.

Глава 4

Стук колёс и плывущие за окном пейзажи убаюкивают, как и мёртвая тишина, висящая в купе. Мужчина словно забыл о моём существовании и сосредоточенно что-то печатает в ноутбуке, а я незаметно начинаю клевать носом.

— Ложись спать, Смирнова! — вдруг заявляет Игорь Андреевич. — Ты сейчас лицом на стол упадёшь, а на конференции решат, что у нас в институте практикуют избиение студентов. Я пока к проводнице схожу, возьму себе кофе, мне всю ночь ещё работать!

Он поднимается с места, потягиваясь с видимым удовольствием, а я невольно залипаю на игру мышц, которые проступают даже сквозь одежду. Широкие плечи, мощная грудь, удивительно красивые руки, которые кажутся сильными, но без перебора, как бывает у химозных качков.

Пытаюсь представить, как выглядит декан без одежды. Эта мысль одновременно волнует и пугает меня. Конечно, я видела фильмы для взрослых, да и пестики-тычинки в школе проходила, но образ полностью обнажённого Игоря Андреевича ввергает меня в сладкую панику.

К счастью, мужчина выходит из купе и не обращает внимания на мои пылающие щёки. Через пару минут раздаётся звонкий и игривый смех проводницы, въедаясь в мозг, вкручиваясь в него раскалённым шурупом. Вспоминаю данное

себе обещание не заикливаться на декане и не строить глупые воздушные замки, придумывая то, чего никогда не случится.

Переодевшись в удобные шорты и майку, устраиваюсь на своей полке и выключаю свет, ощущая глухое раздражение и злость на себя, этого первоклассного самца и весь мир, который кажется вдруг таким несправедливым и даже враждебным ко мне. Но разве я что-то не так сделала?

Я тоже хочу быть счастливой, привлекательной, чтобы на меня обращали внимание, только вот с детства мне вдалбливали в голову, что для женщины важно быть умной, опрятной, сдержанной, а все эти наряды, флирт с мальчиками и гулянки приведут лишь на панель. Именно поэтому к своим двадцати годам я не только не была близка с мужчиной, но и даже не целовалась.

Сон накрывает меня душной тяжёлой волной, — сбрасываю одеяло оттого, что мне чертовски жарко и нечем дышать.

Тихий шорох раздаётся совсем рядом, а затем моя полка чуть прогибается под тяжестью чьего-то тела, сажающегося на неё. От страха горло перехватывает, во рту пересыхает, а сердце пускается в пляс. Пытаюсь закричать, но изо рта вылетает лишь всхлип.

— Не бойся, Смирнова, это я! — раздаётся в темноте низкий волнующий голос декана, пробирающийся до самой глубины.

Горячая мужская ладонь вдруг ложится на моё бедро, и я

вздрагиваю всем телом.

— Ну что ты стесняешься, я же вижу, как ты на меня смотрела всё это время, просто взглядом пожирала. Да ещё такие развратные шортики надела! — шепчет он жарко, вызывая во мне смущение и желание одновременно. — Я знаю, чего ты хочешь!

Рука Игоря Андреевича резко задирает мою майку, едва не разрывая её. Вскрикиваю тихо и пытаюсь отползти в угол, но затвердевшие соски вдруг оказываются зажаты между пальцев мужчины. Стоит мне дёрнуться, чувствую боль, но при этом возбуждение накатывает так, что едва не теряю сознание.

— Что вы делаете? — шепчу испуганно, пока мужчина продолжает терзать вишенки сосков, перекачивая их между пальцами и слегка оттягивая.

— То, что ты сама хочешь! — в низком голосе столько порочности и власти, что невозможно устоять. — А сейчас ты будешь хорошей девочкой и раздвинешь ножки, чтобы я проверил, насколько ты возбуждалась. Готов поспорить, что уже вся мокренькая. Я ведь прав?

— Не-е-е-ет! Нет! — всхлипываю я.

Руки мужчины оставляют мою грудь и ложатся на внутреннюю поверхность бёдер, заставляя раздвинуть колени. Соппротивляюсь из последних сил, но разве мне есть, что противопоставить этому огромному, сильному мужчине.

— Не надо... — пишу, задыхаясь, а затем вскрикиваю,

когда декан стягивает с меня шорты сразу вместе с трусиками и проводит пальцами по моим складочкам.

— М-м-м-м, а ты мне соврала, Смирнова, ты же течёшь так, что хоть сейчас на член натягивай. А ведь я только начал. Развратная девочка.

Нет, я не такая! Никогда раньше не позволяла никому трогать меня там. Я совсем не развратная. Но пальцы мужчины творят какие-то чудеса, лаская меня между ножек. Невольно развожу шире колени, чтобы облегчить доступ к каждому уголку, каждой складочке.

Постанываю, когда подушечка пальца Игоря Андреевича обводит мой клитор, нажимая на него, и подаюсь навстречу, словно мартовская кошка. Сейчас я хочу лишь одного, — ощутить разрядку, испытать оргазм от таких умелых, властных, подчиняющих прикосновений.

— А-а-а-а-а... — выдыхаю, плаваясь от внутреннего жара и выгибаясь всем телом.

— Смирнова, ты чего? — вдруг произносит декан каким-то абсолютно другим голосом, взволнованным и немного насмешливым.

О чём он? Я же на грани! Почему он убрал руки? Я хочу, мечтаю, жажду кончить, иначе взорвусь!

Распахиваю глаза и вздрагиваю оттого, что в купе уже светит солнце, а Игорь Андреевич сидит напротив при полном параде — в идеальном костюме, холодно поблескивающих очках и дежурной усмешкой — и смотрит на меня как-то

странно.

— Тебе снились кошмары? Ты всю ночь так стонала и изгибалась! — лукаво произносит он, неприкрыто мажа взглядом по моему телу, обрисовывая каждый изгиб. — Или это были эротические сны?

— Кошмары, что страшнее не придумать! — бурчу, натягивая одеяло чуть ли не до глаз.

Глава 5

К счастью, через час мы уже прибываем в Питер, хотя эти долгие шестьдесят минут, длившиеся вечность, я краснела и сидела словно на иголках, ловя на себе порой насмешливый взгляд декана.

Я не привыкла к такой суете и скоплениям людей, поэтому сразу же теряюсь и замираю на перроне, едва выходим из поезда, словно олень в свете фар.

— Смирнова! — недовольно вздыхает Игорь Андреевич, а затем подхватывает меня за локоть и тянет за собой. Едва успеваю переставлять ноги, чтобы успеть за этим стремительным мужчиной, прокладывающим нам дорогу, словно ледокол. Удивительно, но толпа перед ним и впрямь расступается, как море перед Моисеем.

Горячие сильные пальцы, держащие мой локоть, обжигают даже сквозь рукав. Кажется, что чувствую пульс в том месте, где мужчина меня касается, — причём гораздо более быстрый, чем та скорость, с которой бьётся сердце.

— Кстати, ты взяла что-нибудь нарядное, как я просил? — интересуется декан, даже не поворачиваясь ко мне.

Невольно хмурюсь от этого вопроса, ведь у меня в маленьком чемоданчике пара белых блузок и тёмная юбка, прикрывающая колени. Вряд ли мужчина имел в виду это под словом «нарядное»...

— Ясно, я так и думал! — продолжает он, правильно понимая моё раздражённое молчание, которое красноречивее любых слов. — Поэтому сейчас я еду в гостиницу отдыхать, а ты отправляешься в салон красоты, который принадлежит моей хорошей знакомой.

Я резко останавливаюсь, как вкопанная и смотрю на спутника ошарашенно.

— В салон? — переспрашиваю, надеясь, что ослышалась. Он кивает, будто это само собой разумеющееся.

— Да. Ты — лицо института. И... я хочу, чтобы на тебя смотрели. И не только как на отличницу.

Эти слова ошеломляют. Он хочет, чтобы на меня смотрели? Я чувствую, как внутри что-то ломается и рождается заново. Моя скромность — броня, и Игорь Андреевич только что пробил в ней первую трещину.

— Но у меня нет денег на это... — выдыхаю обречённо. — И у вас я не возьму! Мне нечем отдать.

Декан вновь мажет по мне взглядом, словно проверяя, достаточно ли я хороша, чтобы расплатиться натурой, но взмахивает головой, будто отгоняя от себя какие-то мысли.

— Смирнова, это вложение не в тебя лично, а в имидж института, относись к этому так!

И вот через полчаса я испуганно замираю перед глянцевой вывеской и зеркальными окнами в пол. Уже со входа ощущается, что это заведение для красивых, успешных, ярких — тех, кто для меня недостижим.

Едва оказываюсь возле стойки рецепции, как ко мне степенно и горделиво подходит рослая, стильная женщина, похожая на голливудскую актрису.

— Здравствуй, ты, наверное, юное протеже Игоря? — то ли спрашивает, то ли констатирует она, осматривая меня таким цепким взглядом, что становится некомфортно.

Но в её глазах нет превосходства, насмешливости или осуждения, лишь профессионализм и какой-то азарт, словно хозяйка салона сама себе бросила вызов.

— Через несколько часов ты себя не узнаешь! — констатирует она довольно.

А вот меня в её словах ничего не радует: во-первых, можно с ума сойти за несколько часов в подобном месте, во-вторых, я совершенно не желаю становиться другим человеком, только вот моего мнения никто не спрашивает.

На секунду у меня появляется впечатление, что попала в цыганский табор, когда вокруг меня начинают суетиться мастера всех услуг, которые только можно придумать. Впадаю в некое подобие транса, ощущая себя безвольной куклой, запрограммированной выполнять простейшие указания.

— Вот и всё! — наконец сквозь тошнотную муть доносится вдруг голос хозяйки салона, звучащий торжественно, словно литавры. — Хочешь посмотреть?

Честно говоря, мне уже всё равно, что там со мной сделали, — хоть наголо обрили! Не представляю, как женщины добровольно проводят целые дни в салонах красоты, — я

устала так, будто не сидела в кресле и не примеряла нарядные платья из соседнего бутика, а капала картошку на грядке, уходящей за горизонт. Но хотя бы из вежливости я должна на себя взглянуть.

В зеркале — отражение незнакомки. Волосы непривычно светлого и тёплого оттенка уложены мягкими волнами. Макияж — лёгкий, свежий, но подчёркивающий черты. Алое платье, на котором большинство остановило свой выбор — приталенное, облегающее непонятно откуда взявшиеся изгибы, и почти вызывающее — с моей точки зрения.

Но я вдруг смотрю на себя глазами мужчины. Глазами Игоря Андреевича. И мне очень нравится то, что вижу!

Глава 6

Когда я выхожу из салона, то сразу вижу Игоря Андреевича, раздражённо курящего недалеко от входа. То, как он держит сигарету, как втягивает дым, а затем выпускает его сквозь губы, — в этом есть какое-то неприлично сексуальное послание. Я понимаю, что для него это нормально, он просто стоит и ожидает меня, но в каждом жесте, в каждом движении столько властной силы, затаённой мощи, готовой взорваться в любую секунду.

Теперь я понимаю, что мой декан похож на дремлющий вулкан, — рядом с ним вроде безопасно и почти спокойно, но всегда возможен бешеный разрушительный выброс, реки раскалённой лавы, способные стереть с поверхности всё живое.

Мужчина мажет по мне заинтересованным взглядом, осматривая снизу доверху, а затем на его мужественном, вечно чуть насмешливом лице появляется такое искреннее удивление, что невольно хихикаю. Он тут же надевает привычную маску, словно скрываясь за ней от всего мира, но взгляд остаётся живым, огненным, тяжёло-сладким. Физически ощущаю, плавлюсь, сгораю.

— Светлана... — называет меня опять по имени, а голос чуть ниже обычного. — Потрясающе. Я знал, что доверил тебя профессионалам, они хорошо постарались.

Едва дышу. Мужчина не прикасается ко мне, но я чувствую, будто он уже держит меня в ладонях... Хотя нет, это сильные властные объятия, из которых невозможно сбежать.

Я боюсь, но хочу шагнуть навстречу. Ощутить физически то, что сейчас лишь в наших взглядах. Это словно нить, которая связывает, и она становится всё короче.

— Такси ожидает! — вдруг резко произносит Игорь Андреевич и отворачивается, разрушая зрительный контакт. — В ресторане гостиницы я заказл стол, нам нужно обсудить завтрашнюю конференцию. Мы опаздываем.

Едва успеваю за широко шагающим спутником, едва удерживаясь на высоких каблуках новых туфель. Это пытка какая-то, а не обувь. Мужчина галантно распахивает передо мной заднюю дверь, и я стараюсь сделать вид, что для меня это само собой разумеющийся жест, но вспыхиваю вновь.

Хочется погрузиться в машину грациозно, — вспоминаю Мисс Университет Алину и стараюсь подражать её уверенным движениям, но вместо этого нелепо плюхаюсь на сиденье, не совладав с узким платьем и проклятыми шпильками.

Декан делает вид, словно не заметил моего провала и садится на переднее сиденье. Пока едем по городу, любуюсь в окно видами северной столицы, наслаждаясь каждым уголком этого удивительного города. Но мне при этом почему-то неуютно. Отворачиваюсь от окна и тут же вижу в зеркале взгляд таксиста, который изучает меня с неприкрытым интересом и похотью.

— Смотрите на дорогу! — вдруг приказывает Игорь Андреевич таким тоном, что внутри всё холодеет.

Водитель дёргается и послушно часто кивает, тряся толстыми побледневшими щеками.

Когда входим в ресторан при гостинице, невольно вздрагиваю от обилия звуков, света, ярких красок. Декан идёт рядом, придерживая под локоть крайне галантно и помогает мне сесть за столик, отодвигая стул. «Так, Света, давай в этот раз красиво и грациозно. Если опять будешь выглядеть неловкой дурочкой, то сгорим со стыда!» — напоминает внутренний голос.

Наконец, мы устраиваемся за столиком без особых и позволяю себе поднять взгляд на спутника. Он снял в гардеробе пальто, и теперь в чёрной рубашке, тёмные рукава закатаны — и я впервые вижу его руки целиком. Мужские. Сильные. Я замечаю, как замолкают женщины за соседними столиками. Он умеет управлять пространством — молча. Даже взглядом.

— Света, перестань трястись, здесь тебя никто не съест, по крайней мере, пока я рядом! — произносит Игорь Андреевич моё имя мягко. И впервые это звучит без отчуждённости.

Конечно, ты-то, Серый Волк, и сожрёшь меня первым... Сколько было у тебя наивных студенточек? И вновь укол чёртовой ревности.

Стол между нами кажется слишком узким. Я чувствую

мужской запах — древесный, терпкий, дорогой. Декан ни разу не смотрит в меню, заказывает сам. Красное вино. Паста. Я не возражаю. Я просто ничего не могу сказать — горло сдавлено странным возбуждением.

Мы ждём заказ, а потом едим молча, но каждое движение становится двусмысленным. Игорь Андреевич подаёт мне бокал, его пальцы скользят по моим, и я вздрагиваю. Мы смотрим друг на друга. Слишком долго и интимно для обычного взгляда.

— Скажи, — декан медленно откидывается на спинку кресла, — ты всегда прячешься за дисциплиной?

Я моргаю и невольно морщусь, стараясь понять, что он имеет в виду.

— Прячусь?

— Светлана, ты умная, сильная. И надо отметить, весьма красивая. Но надеваешь маску, прячешься за ней.

Ему ли говорить о масках? Но понимаю, что Игорь Андреевич видит меня. Видит глубже, чем кто-либо раньше. Это пугает.

— А вы? — спрашиваю. — Вы всегда прячетесь за образом всё повидавшего и ко всему равнодушного айсберга?

Он улыбается. Впервые — искренне, с тенью грусти. Глаза вспыхивают ярче и в них так много всего, что мне не разобрать..

— Иногда иначе невозможно. Особенно, когда слишком сильно хочется того, чего нельзя.

Моё сердце делает кульбит. Я ловлю себя на том, что дышу чаще.

Кажется, вино делает своё дело. Но дело не в вине. Дело — в мужчине напротив. В этом его взгляде, который медленно раздевает меня. В этих словах, и в том что не прозвучало, притаившись между строк.

Мы поднимаемся из-за столика почти одновременно, едва заставляю себя подождать, когда спутник отодвинет стул. Он не касается меня, но я чувствую, как его ладонь скользит в миллиметре от моей спины, сбивая моё и без того рваное дыхание.

Молча подходим к лифту, но в голове у меня идут дебаты между занудным голосом совести, насмешливым ворчании разума и криком души, жаждущей наплевать на всё и позволить себе наконец-то делать то, чего хочу по-настоящему. Мужчина нажимает кнопку лифта с таким отстранённым видом, что меня вновь обдаёт холодом. И этот холод пробирается всё глубже, пока поднимаемся на мой этаж

Внутри меня всё кричит: остановись. Но я не могу даже прошептать.

— Спокойной ночи, Света, — произносит механическим безжизненным голосом декан, когда двери открываются.

Я стою, не двигаясь. Молчание между нами — как натянутая струна. Смотрю ему в глаза, как никогда до этого — слишком близко, слишком честно.

Игорь Андреевич приближается. Его губы замирают у мо-

его уха, опалая кожу горячим тяжёлым дыханием. Сейчас он кажет те слова, которые одновременно мечтаю и страшусь услышать

— Спокойной ночи, Смирнова! — выдыхает он, а внутри меня что-то обрывается.

Глава 7

Дверь номера захлопывается за моей спиной, и тишина обрушивается на меня, как сокрушительная волна. Я опираюсь о стену и стою так несколько секунд, не в силах двинуться. Всё ещё слышу голос Игоря Андреевича, его дыхание. Чувствую, как его ладонь почти коснулась моей спины, почти... но не коснулась.

Почему он ушёл? Почему не взял, не поцеловал, не...? А ведь ждала этого, хотела. Даже намекнула... Я, вся такая правильная и сдержанная, буквально выдохнула ему в губы свою слабость.

Покачиваясь, подхожу к зеркалу и смотрю на себя. На губы, которые требуют, чтобы их поцеловали и прикусили, на шею — тонкую, хрупкую, такую... уязвимую. Моя кожа всё ещё горит. Как будто он всё-таки дотронулся — и след от его пальцев расплзается по телу, невыносимо медленно, жадно.

Я расстёгиваю молнию платья — движение резкое, почти злое. Нетерпеливо скидываю его на пол и становлюсь босиком на ковёр в одном белье, чувствую, как дрожат колени. А ведь я была готова предстать перед ним в таком виде.

Ложусь на кровать и утыкаюсь в подушку, с трудом сдерживая слёзы. Она пахнет отелем: чем-то чужим, новым, незнакомым. Я впервые в жизни сплю одна в номере с видом на город, с мягкими простынями, с таким... взрослени-

ем под кожей.

И вновь вспоминаю, как декан смотрел на меня, — не как на студентку, а как на женщину.

А я женщина? Или я только учусь ей быть? Но что-то во мне уже проснулось, расправляет плечи, тянется к нему жадно и мучительно. Я впервые чувствую своё тело так ярко. В каждом движении тоска. Желание. Недосказанность...

Мои пальцы неосознанно скользят по животу. Я даже не думаю, просто ищу, где именно горит. Там, внутри, пульсирует точка, которую этот невероятный мужчина разбудил одним взглядом.

Я шепчу его имя, выдыхаю в окружающее пространство, призываю, будто декан может услышать меня.

— Игорь...

И тут же — останавливаюсь. Нет, я не должна, не могу. Я ведь ещё... ещё... не готова. Или готова?

Слёзы подступают неожиданно. Я сворачиваюсь калачиком и замираю, стараясь успокоиться. Что Игорь Андреевич делает со мной? Он рушит всё, что я строила: мою броню, мою гордость, моё «я — сильная».

И всё же... Если завтра он прикоснётся ко мне — я не смогу уйти.

Я знаю, что мне уснуть, всё внутри сжимается от ожидания и странного предчувствия, которое словно щекочет и дразнит.

Время уже перевалило за полночь. Тело ноет, подрагива-

ет, наполняется горячей тяжестью. Я лежу на спине, смотрю в потолок и слышу, как стучит кровь в висках. Пульс где-то внизу живота — тяжёлый, голодный.

И когда в дверь тихо стучат — я уже знаю, кто там.

Подхожу словно в фильме ужасов — еле переставляя ноги, и открываю. Игорь Андреевич стоит молча. Его обычно льдисто-холодные глаза — не те, что были днём: ни капли сдержанности, только жар и желание.

— Можно? — спрашивает он.

Я киваю. Без слов. Ведь они сейчас не нужны и могут лишь разрушить ту странную магию, которая искрит между нами.

Мужчина заходит в номер и захлопывает дверь, смотрит на меня, как будто взвешивает, туда ли он пришёл.

— Света... — его голос хриплый, низкий, обволакивающий, берущий в плен.

Мне бы выкинуть белый флаг, хотя я и так готова капитулировать. Словно зачарованная подхожу ближе и смотрю ему в глаза, доверчиво и робко, но не отводя взгляда.

— Не смотри на меня так! — рычит он, сжимая кулаки. — Твоя невинность и чистота меня с ума сведут. Я не могу трахать тебя такую. Под моей маской скрывается дикий зверь, а ты не заслужила первого раза с таким, как я.

— Я ждала тебя... — произношу тихо, едва слышно. — И я хочу тебя... И твоего зверя.

Мой шёпот взрывает пространство и раздаётся стартовым

выстрелом

Игорь Андреевич делает шаг — и расстояние между нами исчезает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.